

**НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ
МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРЫ**

lugemisaasta2010

Таллиннский университет

BIBLIOTHECA LOTMANIANA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

РЕЙН РАУД (Таллиннский университет),
главный редактор серии
Т. Д. КУЗОВКИНА (Таллиннский университет),
секретарь редколлегии

И. З. БЕЛОБРОВЦЕВА (Таллиннский университет)
Б. Ф. ЕГОРОВ (Институт истории РАН, Санкт-Петербург)
ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ (Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова — Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе —
Российский государственный гуманитарный университет)
КАЛЕВИ КУЛЛЬ (Тартуский университет)
М. Ю. ЛОТМАН (Таллиннский университет — Тартуский
университет)
И. А. ПИЛЬЩИКОВ (Таллиннский университет — Московский
государственный университет имени М. В. Ломоносова)
ПЕЭТЕР ТОРОП (Тартуский университет)
Б. А. УСПЕНСКИЙ (Неаполитанский университет
«L'Orientale» — Российский государственный гуманитарный
университет)

Таллиннский университет

Ю. М. Лотман

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРЫ

Подготовка текста и примечания
Т. Д. Кузовкиной
при участии О. И. Утгоф

TLU Press
Таллинн 2010

Bibliotheca Lotmaniana

Bibliotheca Lotmaniana
Непредсказуемые механизмы культуры
Ю. М. Лотман

Таллиннский университет / Tallinna Ülikool
Эстонский гуманитарный институт / Eesti Humanitaarinstituut
Эстонский фонд семиотического наследия / Eesti Semiootikavaramu

Макет серии: дизайн-студия Rakett
Оформление обложки: Марек Аллвез
Верстка: Кюллике Пихлап

Издание осуществлено при поддержке Эстонского научного фонда (Eesti Teadusfond) и фонда «Эстонский язык и культурная память» (Eesti keel ja kultuurimälu), гранты ETF JD 171, ЕККМ 09-158.

Авторское право: Эстонский фонд семиотического наследия,
текст Ю. М. Лотмана, 2010
Авторское право: Вяч. Вс. Иванов, предисловие, 2010
Авторское право: Б. Ф. Егоров, послесловие, 2010
Авторское право: Б. А. Успенский, текст на обложке, 2010
Авторское право: Т. Д. Кузовкина, составление и примечания, 2010
Авторское право: Издательство Таллиннского Университета, 2010

ISSN: 1736-9185
ISBN: 978-9985-58-697-6

TLU Press
Narva mnt 29
10120 Tallinn
www.tlupress.com

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От редколлегии</i>	7
Предисловие (Вяч. Вс. Иванов).....	11
Непредсказуемые механизмы культуры.....	19
Введение.....	23
Поиски пути.....	25
Диалог на разных языках.....	38
Взрывные процессы.....	46
Люди: толпа и народ.....	52
Мыслящая структура.....	58
Наука и техника.....	67
Мода — Одежда.....	76
Между искусством и реальностью.....	99
Модель билингвальной структуры.....	105
Слово и дело.....	125
Мастерская непредсказуемости.....	134
Псевдоновое и новое.....	143
Функции искусства.....	165
Структура единства.....	174
Вместо заключения.....	185
<i>Примечания</i>	189
<i>Литература</i>	199
Три последние книги Ю. М. Лотмана как трилогия-завещание (Б. Ф. Егоров).....	207
<i>Указатель имен и названий</i>	221

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Книга, которую Вы держите в руках, открывает новую университетскую серию научных изданий. «Bibliotheca Lotmaniana» будет публиковать материалы из архива Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц, хранящегося в Эстонском фонде семиотического наследия Эстонского гуманитарного института Таллиннского университета. Наряду с ними будут выходить труды сотрудников института и ученых других университетов, работающих по темам, связанным с исследовательскими интересами Ю. М. Лотмана. Серия трудов станет отражением деятельности фонда по развитию научного потенциала лотмановского наследия в области семиотики, культурной антропологии, теории и истории литературы.

Приоритетным направлением является для нас методология гуманитарного знания, ориентированная на разработку инструментария для филологических, культурологических и исторических исследований. Не менее важными представляются и конкретные исторические и историко-литературные исследования, а также изучение истории быта и культуры. Мы будем рады сотрудничеству не только с кругом ученых школы Юрия Михайловича Лотмана, но и с исследователями из различных научных центров, чьи работы находятся в русле или на пересечении заявленных проблем.

В рамках деятельности фонда, начиная с прошлого года, проводятся ежегодные международные «Лотмановские дни в Таллиннском университете». Первая научная встреча, посвященная теме «Пограничные феномены культуры», состоялась 5–7 июня 2009 г. На конференции был рассмотрен широкий круг явлений, находящихся на границе разных

видов литературы и искусства (а также идеологии, науки etc.). В этом контексте обсуждались и проблемы перевода (как языкового, так и межкультурного) и проблемы понимания в аспекте семиотической герменевтики. Материалы конференций планируется ежегодно публиковать.

В 2008 г. Таллиннский университет учредил Лотмановскую стипендию, цель которой — поддержка ученых-гуманитариев, развивающих и углубляющих идеи Ю. М. Лотмана. Ее стипендиантами были проф. В. К. Кантор, д-р И. А. Пильщиков, проф. Б. Ф. Егоров, д-р Эвелина Пилярчик.

На материале архива Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц в 2010 г. началась работа по двум научным направлениям: «Genius loci: Ю. М. Лотман и Эстония: 1950–1993: Материалы к летописи жизни и творчества Ю. М. Лотмана» (исполнитель — д-р Т. Д. Кузовкина, руководитель проекта — проф. И. З. Белобровцева) и «Juri Lotman's Structural Methods and Semiotics of Culture on a Global Scale: Their Historical Background, International Context and Recent Developments» (исполнитель — д-р И. А. Пильщиков, руководитель проекта — проф. Рейн Рауд). Одним из результатов этих исследований станет создание научной биографии Ю. М. Лотмана в контексте европейской и мировой истории идей.

Первоочередной задачей фонда является публикация научного наследия Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц, особенно той его части, которая до сих пор остается недоступной широкой гуманитарной общественности: неопубликованные или изданные в труднодоступных изданиях статьи, мемуарные тексты, переписка. Кроме того, предполагается публикация статей и воспоминаний о творчестве и жизни этих ученых. Первым шагом на этом пути является публикация монографии «Непредсказуемые механизмы культуры», которая стала возможной благодаря начатой в 2008 г. научной

обработке и описанию архива и библиотеки Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц. По выявленным вариантам рукописей, письмам, воспоминаниям и маргиналиям на книгах удалось проследить творческую историю и установить окончательную авторскую редакцию текста этой монографии, имевшей непростую издательскую судьбу и потому до сих пор оставшейся практически неизвестной читателям.

Профессор Рейн Рауд,
ректор Таллиннского университета,
главный редактор серии

Д-р Татьяна Кузовкина,
старший научный сотрудник
Эстонского фонда семиотического наследия,
секретарь редколлегии

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга относится к числу последних и итоговых, завершенных Юрием Михайловичем Лотманом незадолго до его смерти. Вместе с другими его книгами этого позднего периода это — часть его завещания, излагающего его взгляды на историю и искусство. В то же время книга представляет собой выдающийся образец писательского мастерства Лотмана, всегда ясно выражающего свои заветные мысли в доступной широкой аудитории форме и подбирающего для их иллюстрации на редкость увлекательные примеры и цитаты из русских писателей, Данте, разнообразных исторических памятников.

Я упомянул слово «завещание». Обычно мы его употребляем в ситуации, где в поединке автора завещательного текста со смертью последняя готова выйти победительницей. В одной из последних заключительных глав книги Лотман говорит о другом: в этом споре человеку удается одержать верх, передать в будущее главное, добытое им ценой смертности своего физического существования. Так в духе всей исторической концепции Лотмана осуществляется непредсказуемый эпилог, вдруг переиначивающий обычную последовательность концов и начал. Это судьба воскрешаемой теперь книги, в свое время не дошедшей до широкого читателя, которому она предназначалась.

На книге лежит отблеск времени, когда она писалась. Лотман полагал, что мы все еще находились в том периоде, который ознаменовался крахом Российской империи. Период начинался в первые десятилетия прошлого века. Автор книги полагал, что в момент ее написания (около двадцати лет назад) мы были близки к концу этого периода. Часть размышлений о характере исторического процесса

навеевна происходившими внезапными переменами. Лотман считал, что мы должны успеть сделать правильный выбор за короткий срок, отпущенный нам для этого историей. Поэтому занятия историей и ее смыслом, самим характером исторического процесса перестают быть праздным академическим расходом времени. От этой области научного знания зависит будущее человечества, его судьбы. Лотман учит исторической ответственности. Главное в исторической концепции Лотмана — представление о многообразии вероятных продолжений, пучок которых существует в момент перед взрывом. История может развиваться двумя альтернативными путями. Один — медленное постепенное развитие, не сулящее существенных перемен. В этой книге, как и в написанной сразу вслед за ней и известной многим читателям книге «Культура и взрыв», Лотман подробно рассматривает взрыв как основной процесс, приводящий к движению общества, культуры, искусства, науки.

Подчеркну значение непредсказуемости выбора одного из равновероятных (по Лотману) путей. Лотман с его интересом к линейному (а не циклическому) движению — законченный европейский мыслитель. Столь важные для многих восточных учений циклические концепции развития с бесконечными повторениями одного и того же его мало занимают. Мне это кажется особенно интересным именно потому, что главным предметом его пожизненных занятий была русская культура и русская история. По отношению к ним тривиальным стало предположение, что вообще в этой части мировой истории почти нет и не надо ждать принципиально нового. Чуть ли не все время повторяется одно и то же. Эта популярная и оттого пошлая мысль (а по Лотману — заблуждение) в какой-то мере мо-

жет и способствовать такого рода повторениям: раз прежде были только они, давайте снова повторим еще одну заезженную фигуру, зачем зря тратить силы на выдумывание чего-то особенного?

Такого рода размышления Лотману были чужды и враждебны, как и восходящая в осовремененной форме к Ницше мифологическая идея вечного возвращения, ставшая особенно популярной в XX веке. Он мыслил науку как единое целое, не знающее принципиальных границ между гуманитарным и точным (ему как бывшему артиллерийскому сержанту хорошо знакомым, чему способствовали и многосторонние чтения уже в послевоенные годы) знанием. Он постоянно имеет в виду как предельно себе близкую общую концепцию Пригожина. Его главную мысль можно переформулировать в духе теории информации. Лотмана в истории и в движении культуры занимали прежде всего такие процессы, при которых происходит максимальное увеличение количества информации. Отсюда — прямое объяснение непредсказуемости процесса, описываемого как взрыв. Один из экспериментальных способов определения энтропии процесса по Шеннону заключается в угадывании. Поэтому процесс, при котором существенно увеличивается количество получаемой и передаваемой информации, непредсказуем. В этом одно из главных отличий концепции Лотмана от распространившихся в недавнее время теорий, в которых некоторым из гуманитарных наук приписывали свойства, сходные с древневосточными приемами угадывания будущего. По Лотману, будущее нацелено на увеличение информации и поэтому оно непредсказуемо.

Книга Лотмана содержит не только изложение сути его научных взглядов. В ней он кратко суммирует важные для него итоги работ предшественников. Он особенно

выделяет труды русских формалистов. Из их достижений Лотман специально отмечает важное для него открытие формалистов, по которому в диахронии может произойти повышение уровня младшей линии: явление, считавшееся существовавшим за пределами культуры или на ее низших ответвлениях, превращается в существенно значимое. Так формалисты описывали, например, судьбу цыганского романса, у Блока (вслед за открытым Блоком и им продолженным Аполлоном Григорьевым) превратившегося в один из главных лирических жанров. Лотман это открытие ставит в ряд других, которые он добавил к достижениям формалистов. Взрывообразное движение приводит к отмене многих существовавших до того запретов. Для конкретного воплощения этой мысли на материале истории русской литературы особенно важен подготовленный Лотманом том «Библиотеки поэта», посвященный мало известным или совсем почти неизвестным поэтам периода, непосредственно предшествовавшего появлению Пушкина. Как всякий большой писатель, Пушкин не только создал новые образцы, которым следовали многие продолжатели и ученики, а потом эпигоны. Он не только проложил новые дороги, но и остановил осваивание многих других, которые до него начинались в русской литературе.

Лотман не соглашается с теми, кто предполагал у русских формалистов отрицание или отсутствие полного интереса к смыслу изучаемого произведения. Для Лотмана существенно такое исследование, для которого важна семантика произведения (впрочем, для доказательства этого тезиса по отношению к формалистам ему понадобился не сам Эйхенбаум, а цитируемый тем Лев Толстой). Позиция самого Лотмана отличается оригинальностью. В специальной главе он раскрывает самодостаточность искусства как

особого языка. Если принять это его хорошо аргументированное рассуждение, то все споры вокруг других функций искусства становятся второстепенными и в какой-то мере теряют смысл. Из ученых, у которых (как у Г. А. Гуковского, погибшего после ареста в последние годы послевоенной сталинской диктатуры) он еще имел возможность поучиться в молодости, Лотман анализирует труды тех, которые пытались понять соотношение содержательного (идейного) уровня литературы и собственно художественного (образного). На одном полюсе оказывается Гуковский, выведивший второй уровень из первого. На другом полюсе из старой академической школы — Пиксанов, полностью разъединивший оба эти уровня и тщетно пытавшийся написать историю литературы без авторов. Решение Лотман находит в современной семиотике, в развитии которой он принял самое непосредственное участие. История семиотики для него мыслилась как соединение линии лингвистической, идущей прежде всего от Соссюра, и литературоведческой, больше всего связанной с близкими Лотману по направлению петербургскими формалистами (логическая линия, идущая от Пирса, многих из нас тогда меньше занимала). В рождавшемся при его деятельном участии современном варианте семиотики он находил сходное соединение лингвистического подхода, который он ценил у московских тогда молодых семиотиков, и той продолжающей формалистическое направление линии исследований, к которым он со всеми основаниями относил собственное научное творчество. Но при этом лингвистические термины, обозначения явлений культуры как языков и их взаимодействия как двуязычия (билингвизма) Лотману самому представлялось едва ли даже не более важным для зарождавшейся новой науки, чем это были готовы признать его

коллеги, относившиеся к языковедческим терминам с осторожностью профессионалов.

В терминах различия языков Лотман формулирует основные для его понимания культуры антиномии своего и чужого, массовидного коллективного и индивидуального. Усвоенное от европейского романтизма и его продолжений в авангарде противостояние творческой индивидуальности и стадности описывается в семиотических терминах. Движение культуры оказывается возможным из-за возможности существования таких языков, которые позволяют говорить о своем как о чужом и о чужом как о своем. Центральная для философии языка всех крупных мыслителей XX века проблема Чужого (Другого, Соседа-Ближнего) Лотманом переосмысливается как его противопоставление другому участнику того же семиотического диалога. Лотман исследует посягательства стада и его вожаков, вызывающие резко отрицательные эмоции у него как у одного из участников и жертв борьбы русских интеллигентов за свободу своего культурного самоопределения. Кажется вероятным, что особенности русской истории культуры вызвали замедление процесса личного индивидуального осознания себя как отдельного от других членов коллектива. В серии этюдов, посвященной этой проблеме, талантливый лингвист акад. В. В. Виноградов доказывал, что слово со значением «личность» в древнерусском языке и выраженной в нем системе семантических ценностей отсутствовало. Вывод ученого как бы зеркален по отношению к гениальной строке великого поэта. Осип Мандельштам по поводу русской истории писал: «Были мы люди, а стали людье» (последнее собирательное слово родственно словам других индоевропейских языков со значением «свободный»).

Лотман пробует понять, чем отношение к истории у него самого и других участников тартуско-московской школы отличалось от той французской группы историков (как Бродель и Ле Гофф), которые в то время стали и у нас весьма популярными (в частности, благодаря многочисленным публикациям А. Я. Гуревича). Для Лотмана занятия этой группы историков в каком-то смысле прямо противоположны главным интересам тартуско-московской школы: она занималась преимущественно искусством с его уникальностью, непредсказуемостью и взрывчатостью. Те медленные изменения, к описанию которых тяготели историки школы «Анналов», наделены прямо противоположными качествами.

Одной из теоретически правильных и практически важных глав книги Лотмана мне представляется глава, посвященная соотношению науки и техники. Лотман и здесь против банальных расхожих истин. Привыкли повторять слова о взаимосвязи науки и техники. Лотман убедительно говорит об их принципиальном различии. Техника развивается постепенно и каждый следующий шаг в ее развитии предсказуем. Большие научные открытия рождаются благодаря непредсказуемому взрыву. Мне кажется неслучайным то, что эту свою верную мысль Лотман иллюстрирует историей китайской техники, в частности, историей открытия пороха, который в Китае остался (в отличие от последующей его судьбы в Европе) на периферии культуры. Многотомные исследования Нидэма и других историков старой китайской техники показывали необычайно высокий ее уровень, в свое время обусловивший и ранний кратковременный взлет китайского капитализма Сунской эпохи. Развитие естественной науки при этом существенно отставало. Сам по себе уровень техники ничего не говорит

о степени подъема науки. Из характерных современных примеров возможного противоположения науки и техники можно было бы сослаться на увлечение некоторыми техническими новинками, научный аспект которых остается невыясненным. Выдающийся английский астрофизик и космолог Мартин Рис в своей недавней книге в качестве одного из подобных примеров одностороннего развития техники, которое может сулить опасные или даже катастрофические последствия, приводит распространяющуюся моду на нанотехнологию. Отсутствие серьезных научных работ, которые бы прояснили суть возможных ее научных применений и степень ее опасных последствий (или доказательств ее безвредности) делает эту технологическую моду, разделяемую недалновидными политиками, потенциально весьма вредоносной.

Глава книги, посвященная моде и одежде, написана с тем феерическим блеском, который когда-то поразил меня в лотмановском комментарии к «Онегину». Лотман с XVIII-го века до сталинского периода описывает перипетии русской моды с художественной силой и яркостью, делающими этот текст настоящим шедевром исторической прозы.

Юрий Михайлович Лотман не только изложил в этой книге свои мысли о новом, непредсказуемом и взрывном элементе культуры, определяющем ее динамику. Сама эта книга — пример подобного взрывообразного открытия. Порадуемся возможности приобщения многих читателей к этой замечательной книге.

Вяч. Вс. Иванов

**НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ
МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРЫ**

*Посвящается памяти
Зары Григорьевны Мици*

*Автор выражает благодарность за оказанную
помощь в работе над книгой
В. Гехтман, Т. Кузовкиной, С. Салупере.*

ВВЕДЕНИЕ

«Кто мы?», «Откуда?», «Куда?» — эти вопросы волнуют человечество на всем протяжении его умственного существования. На них следует отвечать, но на них нельзя ответить. Само размышление над ними имеет бесконечно большую ценность, чем любые ответы, ибо все ответы временны, а размышления — вечная сущность человека.

Но бывают эпохи, когда размышления об общих смыслах и путях человеческой истории становятся особенно насущными. Это — эпохи переломные, когда старые пути пройдены, а новые еще не определены. Это эпохи выбора и свободы — и одновременно сомнений и неуверенности. Ясно поставленный вопрос или глубоко пережитое сомнение оказываются в такое время более плодотворными, чем привычные ответы, повторяющие привычные истины.

Не будем, однако, швырять камни и в привычные истины. Когда мы спускаемся с горы в ущелье, заросшее густым лесом, и темнота мешает видеть что-либо дальше вытянутой руки, а идти все равно надо, мы можем опереться лишь на веру в собственную память, в правильность избранного пути. Сомнения в этих случаях опасны и губительны — упрямство становится героизмом.

Но вот мы совершили подъем и выбрались на вершину, и перед нами раскрылось огромное пространство. Ценой тяжелейшего труда, напряжения, потерь мы завоевали широкий кругозор. Но теперь перед нашими глазами — множество дорог. Надо сделать выбор. А выбор — пересечение сомнений и знаний, и одна из точек опоры — анализ ошибок, разочарований. Память становится летописью ошибок.

Однако сомнение — это только одна, негативная, сторона дела. Без сочетания с выбором новых ориентиров, без слияния анализа и действия оно может быть разрушительно.

История вывела нас на высокий перевал, может быть, один из самых высоких, на которых стояло человечество. А динамическая эпоха скупно отпускает время. Оценить прошлое, выбрать направление, перейти к действию — на все это нам даны мгновения. В этих условиях весь опыт должен быть учтен, все предложения — высказаны, все возможности — обдуманы.

ПОИСКИ ПУТИ

С древнейших времен у разных народов возникает образ реки или дороги как символа человеческой жизни. В основе его лежит представление о направленном движении. В символическом сознании река и дорога — как бы воплощенная протяженность и, одновременно, противопоставление раскинувшимся в пространстве озеру, земле и небу. Река сопоставляется с дорогой. Однако более архаический образ реки чаще символизирует жизнь как таковую. Дорога более впитывает в себя конкретные исторические признаки. О реке как о длине без ширины, направлении в неизвестность — символе, который лег в основу всей египетской культуры, — писал Освальд Шпенглер¹. На рубеже XVIII и XIX веков А. Н. Радищев создал образ своего уходящего столетия. Символом этого века для него сделалась река крови, впадающая в бесконечный океан будущего:

Урна времян часы изливает каплям подобно:

Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возрасли,
И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов;
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след.
Но знаменито во веки своею кровавой струею,
С звуками грома течет наше столетье туда;
И сокрушил наконец корабль, надежды несущей,
Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастье и добродетель, и вольность пожрал омут ярой,

¹ См. Шпенглер 1993, 264–267. — *Ред.*

Зри, восплают еще страшны обломки в струе.

(Радищев 1938, I: 127)

Образ реки лежит в основе большинства концепций историков, полагающих движение основой самой истории. Однако далее начинается коренное различие. Фактически оно сводится к давнему противопоставлению Аристотеля и Платона. Если для Аристотеля динамика — это сущность бытия материального мира, сущность, которая реализуется через мир и вне его не существует, то для Платона эта идеальная сущность есть одновременно и первопричина всего материального.

Таким образом, уже на заре исторической науки были заложены те фундаментальные точки зрения, к берегам которых развитие философии неизбежно прибывало тех или иных философов. *Tertium non datur* давно сделалось боевым кличем философии. Попытки найти третий путь неизменно отвергались как эклектические. Правда, проблема эта более тревожила философов, чем исследователей конкретных наук: способность частиц в определенных условиях превращаться в колебания или одновременно находиться в различных частях пространства для философов — проблема, для физиков — проверяемый факт.

Аналогичные этому конфликты между презумпциями философии и исторической реальностью стучатся в двери историка культуры. Однако историки продолжают, в основной массе, интересоваться этими вопросами лишь в той мере, в какой они мешают или не мешают их конкретным исследованиям. Этому «взаимному ненападению», кажется, подходит конец. Слишком велико число фактов, которые историку приходится «не замечать» или